

соответствующее движению данного неба, которое следует за движением звездной сферы с запада на восток на один градус за сто лет. Таким образом, эти три движения имеют каждый по одному двигателю. Все небо движется и вращается вместе с эпициклом с востока на запад один раз в сутки; один Бог ведает, проистекает ли это движение от какого-нибудь интеллекта или же оно во власти Перводвигателя; мне кажется, что судить об этом было бы с моей стороны самонадеянностью. Эти двигатели порождают круговращение только тем, что его разумеют, и только в той сфере, которую каждый из них приводит в движение. Благороднейшая форма неба, несущего в себе начало этой пассивной природы, вращается от соприкосновения с движущей силой, которая обладает даром разума; я говорю о соприкосновении, но не телесном, а движении от касания той силы, которая на это направлена. И к этим двигателям, с которыми предполагается вступить в разговор, я обращаю мою мольбу.

VI.

В третьей главе настоящего трактата сказано, что для понимания первой части рассматриваемой канцоны следовало бы повести речь об упомянутых небесах и об их двигателях, о чем и шла речь в предыдущих трех главах. Так, я обращаюсь к тем, кто, как я показал, являются подателями движения небу Венеры:

«Вы, движущие третьи небеса,
Их разумея...» –

то есть сообщающие движение только силою разума. И я говорю «Внемлите» не для того, чтобы они услышали какой-нибудь звук, которого они не воспринимают, но имея в виду тот слух, которым они одарены, то есть способность понимания при помощи интеллекта. Я говорю затем: «Я слышу – в сердце голос прозвучал...» – а именно внутри меня, так как извне он еще не проявился.

Надо помнить, что в этой канцоне, согласно как первому, так и второму смыслу, слово «сердце» обозначает только сокровенное и внутреннее, а не какую-либо иную, особую часть души и тела. После того как я призвал движущих третье небо выслушать меня, я привожу два основания, почему мне надлежит говорить с ними соответствующим образом. Во-первых, по причине новизны моего состояния, которое, не будучи испытано другими людьми, не было бы для них понятным, так как они воспринимают лишь последствия своих поступков; это основание я и имею в виду, когда говорю: «...столь новый для других...» Во-вторых, замечу следующее: когда человек получает благодеяние или оскорбление, он первым делом, если может, обязан сообщить об этом тому, кто этому является причиной, а не другим, с тем чтобы – если это благодеяние – тот, кто его получил, проявил свою благодарность благодетелю; а если это оскорбление – чтобы потерпевший сладостными речами склонил оскорбителя к проявлению сердечности. Об этом я и говорю в следующих словах:

«Я вашу власть и волю ощущал;
Ваш свет мне в сердце силу излучал».

Иначе говоря, ваши действия, а именно ваше круговращение, и ввергли меня в настоящее мое состояние. Поэтому я и говорю, что мое обращение к этим сознаниям должно быть таковым, как было сказано, а именно:

«Не скрою горести и упованья.
Высокий слух прошу я приклонить,
Чтоб мог испытанное вам открыть».

И после того, как я привел доводы, я прошу их меня понять и говорю: «Души услышьте скорбные рыдания». Известно, что, произнося речь, я должен прежде всего позаботиться о том, чтобы убедить своих слушателей, что достигается украшением; это и есть начало всех других